

СОВЕТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА СТРАНИЦАХ ЗАРУБЕЖНОЙ РУСИСТИКИ

Хасянов О.Р.

ФГБОУ ВПО «Ульяновская ГСХА им. П.А. Столыпина», Министерство сельского хозяйства РФ, 432017, Россия, г. Ульяновск, б-р Новый Венец, д. 1.

В статье проводится анализ зарубежного опыта исследования советского крестьянства. Автор проанализировал наиболее значимые исторические труды североамериканских и западноевропейских историков, освещающих процесс трансформации традиционной крестьянской культуры в советское время, проблему взаимоотношения советского государства и крестьянства. Данная проблема является одной из актуальных в современной исторической науке. Автор уделит особое место освещению оригинальных идей Ш. Фицпатрик, Р. Конквеста, Л. Виолы и др. Проанализировав работы Р. Конквеста, М.Б. Таугер, Л. Виолы, автор приходит к выводу о рукотворности голода начала 30-х гг. в Советском Союзе. Приведенный анализ позволяет автору сделать вывод об антикрестьянской направленности советской аграрной политики. Автор справедливо констатирует, что политика коллективизации была направлена на разрушение традиционных основ крестьянской культуры.

Ключевые слова: русистика, советское крестьянство, трансформация, власть, сельский социум, голод.

SOVIET PEASANTS ON PAGES FOREIGN RUSSIAN STUDIES

Khasyanov O.R.

Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Ulyanovsk state agricultural academy named after P. A. Stolypin». 432017, Ulyanovsk, avenue Novy Venets, 1.

The article analyzes the study of foreign experience of the Soviet peasantry. The author has analyzed the most important historical works of the North American and Western European historians covering the transformation of traditional peasant culture in the Soviet era, the issue of relations between the Soviet state and the peasantry. This issue is one of the topical problems in modern historical scholarship. The author has given a special place of original ideas Sh.Fitspatrik coverage, R.Konkvesta, L.Violy and etc. After analyzing the work of R. Conquest, MB Tauger, L. Viola, the author comes to the conclusion that hand-made famine of the early 30's. in the Soviet Union. PROVIDENCE analysis allows the author to conclude that the anti-peasant orientation of Soviet agricultural policy. The author rightly notes that the policy of collectivization was aimed at the destruction of the traditional foundations of peasant culture.

Keywords: Russian studies, the Soviet peasantry, transformation, power, rural society, hunger.

Введение

Крушение Советского Союза и освобождение научной сферы от диктата марксистской идеологии открыло перед исторической наукой новые горизонты познания. Множество проблем, рассмотрение которых объективно и всесторонне в советское время было немислимым, стало предметом исследования современной исторической науки. История советского крестьянства, его адаптация к советской действительности, трансформация крестьянской культуры под воздействием советской партийно-бюрократической системы относится к такой проблеме. Советские историки рассматривали крестьянство как неотъемлемого союзника пролетариата в борьбе за мировую революцию, а мероприятия, проводимые советскими партийными органами по изменению культурного и экономического облика советской деревни, всегда оценивались позитивно. Справедливо

констатирует Н.В. Чиркова: «историкам аграрникам так и не удалось выйти из-под влияния документов правящей коммунистической партии, стать на позиции объективных исследователей аграрной политики советского государства» [9; с. 267]. Совершенно по-иному освещается история советского крестьянства в зарубежной историографии, в особенности в англо-американской русистике. На протяжении практически всего XX века западноевропейская и североамериканская исторические школы, опираясь на свидетельства советских иммигрантов и отрывочные архивные сведения, стремились воссоздать объективную картину жизни советского крестьянства, восстановить «триумфы и трагедии» советской деревни.

Результаты исследования

В 1986 г. в Лондоне вышла знаменитая работа Р. Конквеста «Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом» [6], одно из первых исследований, посвященных трагическим страницам истории российского крестьянства XX века – коллективизации и последующего за ним голода в 30-е гг. Автор, тщательно анализируя механизмы реализации аграрной политики Сталина и коммунистической партии, приходит к выводу о рукотворности страшного голода, разразившегося в хлеборобных районах СССР, унесшего, по самым скромным подсчетам, 7 миллионов жизней советских граждан [5; с. 8]. Р. Конквест, опираясь на свидетельства очевидцев, отдельные архивные данные, информацию, извлеченную из официальной советской печати 30-х гг. и речей государственных деятелей, констатирует, что в результате коллективизации «было уничтожено все старое крестьянство, а вместе с ним вырублены и исторические корни русского, украинского и других народов». Механизмы создания голода были следующими: «...взимания непосильных налогов на урожай, конфискации продовольствия у населения, а также пресечения какой-либо поддержки голодающим извне, даже из других районов Советского Союза» [6; с. 13]. Введенные в предколлективизационные годы высокие планы хлебозаготовок и принудительное изъятие товарного зерна привели к снижению темпов роста сельскохозяйственного производства. Крестьянство вновь почувствовало себя обманутым и со страхом ожидало повторения политики «военного коммунизма» [6; с. 77]. По мнению автора, рынок как канал сбыта продукции в глазах крестьянства потерял надежность, т.к. государство в любой момент могло отменить рыночные механизмы и перейти к прямым реквизициям. Достоверно проиллюстрированы Р. Конквестом механизмы принятия сельским сходом обязательств по выполнению завышенных размеров хлебозаготовок. Практически во всех местностях крестьяне вначале отказывались их утверждать и выполнять. Уполномоченные партии и властей в ответ на такие действия крестьян сельских ораторов объявляли «кулаками» и «подкулачниками». По отношению к ним «применялись аресты,

обыски, штрафы, конфискация имущества или даже расстрел». В результате таких действий властей сельчане выражали свою готовность выполнять завышенные планы поставки хлеба государству. По мнению автора, к советской власти большинство крестьянства было настроено негативно и даже враждебно. Инициированная властями политика раскулачивания преследовала одну-единственную цель: «уничтожить самую производительную часть крестьянства и подорвать стимул к работе у остальных», обезглавить и сломить его сопротивление устанавливаемому порядку [6; с. 98, 99]. Сама же коллективизация должна была положить конец «частичной независимости крестьянства, уничтожить элементы свободной рыночной экономики и остатков буржуазии, что, несомненно, с точки зрения марксистской идеологии было безусловным благом [6; с. 98]. В работе Р. Конквеста еще раз раскрывается традиционный крестьянский мир, в котором господствует взаимовыручка, социальная ответственность и т.д. Автор приводит примеры, как представители сельсоветов, обычные крестьяне, пытались помочь обвиненным в кулачестве. Большинство сельского социума было против раскулачивания, прятало кулаков и кулацкую собственность, предупреждало друзей и знакомых о возможных обысках. А во многих случаях «они собирали подписи под петициями в защиту кулаков» [6; с. 113]. И самое главное, Р. Конквест ставит под сомнение главный тезис советской историографии о причинах перехода к политике сплошной коллективизации. По его мнению, не стремление выкачать из деревни средства для проведения индустриализации двигало лидерами коммунистической партии, а желание превратить крестьян в обычных рабочих, занятых в сельском хозяйстве. Эффект от изъятых средств из села был минимальным и практически не покрыл расходов, связанных с проведением насильственной коллективизации. Ее итоги он оценивает однозначно негативно, т.к. «жизнь на селе скатилась до беспрецедентного уровня нищеты. Реальная стоимость трудодня и в денежном выражении, и в продуктах, получаемых на трудодни колхозниками, оставалась чрезвычайно низкой и абсолютно недостаточной для удовлетворения их самых минимальных нужд», и само коллективное сельское хозяйство оказалось малопродуктивным и неспособным к конкуренции в мировом масштабе по уровню производительности труда.

Таугер М.Б., не отрицая факта сознательного геноцида против определенных народов СССР и завышенных норм хлебопоставок 1932 г., ответственность за разразившийся голод возлагает на руководство советского государства [7; с. 25]. По его мнению, политика насильственной коллективизации оказалось провальной, сельскохозяйственное производство оказалось практически уничтоженным. Власти поставили интересы крестьянства на последнее место. Через механизмы чрезмерных хлебопоставок они стремились предотвратить голод в городах и не сорвать планы индустриального роста [7; с. 24].

Позицию М. Таугера о причинах голода разделяет С. Дэвис. Голод был вызван непродуманной политикой коллективизации, а нежелание крестьян вступать в колхоз сопровождалось массовым забоем скота и резким сокращением посевных площадей [4; с. 53]. По мнению С. Дэвис, голос крестьянства в 30-е гг. был практически не слышим властями. Крестьяне предпочитали выражать протест по отношению к проводимой политике властей анонимно, прибегая к слухам и песням. Наиболее распространенными были частушки. В них колхозы изображались как тюрьмы, а колхозный строй – угнетение свободного крестьянства, а сама колхозная система ассоциировалась с лишениями и нуждой [4; с. 54]. С. Дэвис констатирует, что данная стратегия крестьян намеренно подрывала официальную пропаганду об улучшении социального и культурного облика советской деревни. Значительной победой крестьян в деле сопротивления коллективизации, как считала С. Дэвис, стало принятие нового колхозного устава в феврале 1935 г., по которому крестьяне получили право на приусадебный участок и еще ряд льгот. Но в большинстве своем крестьяне не питали иллюзий о соблюдении закона властями своей страны [4; с. 56].

С позиции социальной истории повседневная жизнь советского крестьянства сталинской эпохи исследована в работе американского историка Шейлы Фицпатрик. Она разделяет характерный для западной историографии коллективизации в СССР тезис об отсутствии поддержки со стороны крестьян, проводимой властями политики [8; с. 10]. Неприятие коллективизации, по ее мнению, было связано с тем, что она проводилась пришлыми людьми, далекими от ценностей сельской жизни, и насильственными методами ее реализации. Фицпатрик отмечает, что «сама стратегия коллективизации, разработанная верховной властью, уже включала в себя насильственные меры, а именно экспроприации и высылку сотен тысяч кулацких семей» [8; с. 11]. В своей работе Ш. Фицпатрик проанализировала стратегии крестьянского сопротивления. В большей своей массе они выражались в пассивном сопротивлении: отказ от выхода на работу, сокращение посевных площадей и т.д. Стратегию пассивного сопротивления использовали практически все крестьяне. Укрепление колхозного строя приводило к появлению тактики приспособления. Крестьяне стремились извлечь выгоды из сложившейся ситуации, повернув ее в защиту своих интересов. Фицпатрик вводит такое понятие, как «идеал всеобщего госиждивенчества» - решение насущных проблем сельского социума посредством государственного вмешательства. По ее мнению, голод 1933 г. был вызван именно столкновением разности интересов государства и крестьянства. Государство стремилось как можно больше изъять зерна у крестьян, а последние - пассивно сопротивлялись. С уверенностью Ш. Фицпатрик констатирует факт уменьшения количества еды и питья в деревне после коллективизации [8; с. 242]. Уже в первые месяцы ее проведения в мировоззрении крестьян, по мнению Ш.

Фицпатрик, начали проявляться черты, характерные для последующих десятилетий колхозного строя: апатия, вялость и несамостоятельность [8; с. 81]. Крестьянство оказалось деморализованным в результате интенсивного экономического гнета со стороны государства, а сама крестьянская жизнь обесценивалась в глазах самих же носителей данной культуры [8; с. 96]. Коллективизация спровоцировала начало размывания традиционной сельской культуры. Как отмечает Фицпатрик, это выразилось в отказе от традиционной крестьянской одежды, стрижки, кризисе семейных отношений, в распространении добрых и внебрачных половых связей [8; с. 242].

Ш. Фицпатрик ставит под сомнение такие традиционные крестьянские ценности, как великодушие, взаимовыручка, общинная солидарность. Она полагает, что советская деревня 30-х гг. была глубоко раздираема внутренними склоками и раздорами, т.к. процесс коллективизации обострил и до того сложные отношения между бедными и зажиточными крестьянами [8; с. 22-23]. Для крестьян была характерна вековая зависть к более успешным, наиболее предприимчивым членам сельского общества. Несмотря на это, сельчане активно противодействовали высылке кулаков. Устраивали им пышные проводы и плакали [8; с. 70-71]. Большинство крестьян, по мнению Фицпатрик, рассматривали раскулачивание как часть общего наступления на село [8; с. 72]. Одновременно с коллективизацией начинается очередная волна наступления власти на религиозные организации и массовое закрытие культовых сооружений. Эти необдуманные действия властей, отмечает Ш. Фицпатрик, приводили к возрастанию демонстративной религиозности в крестьянской среде. Поддержка церкви стала одной из стратегий сопротивления коллективизации [8; с. 74]. Частыми становятся отказы от выхода на работу в поле в дни религиозных праздников, количество которых в годы коллективизации увеличилось. Как отмечает Фицпатрик, их нельзя было отыскать даже в религиозных календарях [8; с. 75, 232].

По Н. Верту, исследовавшему историю большого террора в СССР, коллективизация преследовала не только экономические цели, но и разрушение традиционных основ крестьянской культуры, векового образа жизни. Многочисленные крестьянские выступления были вызваны не столько экономическими причинами, сколько нежеланием примириться с политикой, направленной против так называемых кулаков, насильственным закрытием церквей и т.д. [1; с. 71]. По его мнению, с 1930 г. сопротивление крестьян приобретает очертания «тихой войны», идущей между властью и сельским социумом. По мере увеличения нажима власти на деревню изменялась тактика ведения борьбы и стратегии сопротивления крестьян. Чаще всего сопротивление выражалось в хищениях колхозной собственности и в отказе колхозного руководства сотрудничать с партийными органами [1; с. 74]. Н. Верт отмечает, что коллективизация способствовала распространению в

крестьянской среде эсхатологических и пораженческих взглядов. Вступление в колхоз означало присягу дьяволу, а ликвидировать колхозный строй возможно было лишь через оккупацию территории страны врагами [1; с. 93-97]. И многомиллионное советское крестьянство с надеждой ожидало начала новой войны. На это же указывает Ш. Фицпатрик, но она справедливо отмечает, что после начала Великой Отечественной войны, когда стали очевидны цели агрессоров, отношение крестьян к ним изменилось, и они активно оказывали сопротивление, особенно на оккупированных территориях [8; с. 351].

Канадский исследователь Л. Виола в своей работе подчеркивает разрушительный по отношению к крестьянству замысел коллективизации. По ее мнению, сталинский план социалистической модернизации сельского хозяйства предусматривал выплаты крестьянством «дани» государству для удовлетворения потребностей, необходимых индустриальному строительству, а также искоренение крестьянской культуры и ее превращение в составную часть господствующей культуры [2; с. 11]. Ужесточение репрессивной политики властей крестьянство встретило активным сопротивлением, «ознаменовавшимся созданием собственной идеологии, оппозиционной государственной» [2; с. 11]. Крестьянское сопротивление в сталинскую эпоху, как отмечает Л. Виола, проявлялось в «стремлении диктовать свою волю власти, протестовать против ее шагов, сочетается с попытками приспособиться к установленному режиму посредством обхода законов, организации восстаний и других активных и пассивных форм народного сопротивления, вызванных необходимостью защищать свое существование и свою самобытность» [2; с. 13]. Для Л. Виолы советское крестьянство в 1930 г. вступило в полномасштабную кровопролитную войну. Эта война велась не только с государством, но и с немногочисленными представителями сельского социума, перешедшими на сторону советской власти [2; с. 14]. Победу в этой войне одержало государство, но она оказалась пирровой, результатом «коллективизации стало объединение подавляющего большинства крестьян против государства и его политического курса» [2; с. 8]. Вслед за Р. Конквестом и Ш. Фицпатрик, Л. Виола указывает на значительную роль женщин в крестьянском сопротивлении насильственной коллективизации сельского хозяйства. Она отмечает, что так называемые «бабьи бунты» и женские протесты были наиболее активными формами протеста против политики государства в деревне [2; с. 250]. Именно «женщины деревни возглавили сопротивление коллективизации, встав на защиту своих интересов и продемонстрировав организованность и сознательную политическую оппозицию, которую не решалось признать государство» [2; с. 250]. Как справедливо считает Л. Виола, в официальном властном дискурсе 30-х гг. крестьянская «баба» была лишена всяческого классового сознания. Она по определению не была способна по политический протест и

являлась лишь марионеткой в руках кулацких элементов [2; с. 248-249]. По мнению Л. Виолы, именно действия крестьянок заставили государственную систему в марте 1930 г. отойти от тактики форсированной сплошной коллективизации, «заставив власть с большей осторожностью относиться к крестьянству, и важнейшим для него вопросам домашнего хозяйства, семьи, веры» [2; с. 250].

А. Грациози рассматривает политику большевистского правительства по отношению к крестьянству как «великую войну», которая представляла драму в двух актах: 1918–1922 гг. и 1928–1933 гг. [3; с. 5]. Он полагает, что в ходе агонии Российской империи в 1917 г. крестьяне взяли инициативу в свои руки. Они стремились минимизировать экономический гнет государства, его присутствие в деревне, осуществить черный передел земли [3; с. 14]. Это выразилось в отказе от уплаты налогов, выполнении хлебозаготовок, уклонение от воинской обязанности [3; с. 15]. Именно данные действия крестьян, по мнению А. Грациози, вынудили неокрепшее большевистское государство вступить в вооруженный конфликт со своим населением, что выразилось во введении чрезвычайной экономической политики «военного коммунизма» [3; с. 17]. Борьба велась с переменным успехом, и к 1921 г. государство решается на заключение перемирия с крестьянством, ознаменовавшееся переходом к «новой экономической политике» [3; с. 37]. Как отмечает Грациози, «нэп отвечал, хотя с большими противоречиями и ограничениями, устремлениям крестьян, обусловленным их традиционным культурным наследием» [3; с. 41]. Несмотря на данные действия властей, в деревне ощущалась скрытая враждебность к действиям правительства. [3; с. 42]. В 1928 г. в ходе хлебозаготовительного кризиса государство «воскрешает» методы времен «военного коммунизма» - реквизиции и насилие по отношению к крестьянству [3; с. 43]. Исключение крестьян из системы обеспечения продовольствия по карточкам, введенным в 1928 г., отмечает А. Грациози, было косвенным объявлением войны крестьянству [3; с. 44]. По его мнению, Сталин знал, что методы, которыми проводится процесс коллективизации, в скором времени могут привести к «искусственному голоду» [3; с. 44]. Политика советского правительства в 1928-1939 г., направленная против «кулаков», по мнению А. Грациози, вносит раскол в сельский социум. Властям удалось добиться раскола, умело используя зависть и напряженность, существующую на селе [3; с. 47]. Но после того как с «кулаками» было покончено, сельский социум смог консолидироваться и оказать открытое сопротивление насильственной коллективизации, сопровождаемой реквизициями зерна. Жестокость, с которой государство подавляло крестьянские выступления, вынуждает крестьян перейти к тактике «пассивного сопротивления» - работать спустя рукава, сокращать посевные площади и т.д. Постоянно повышающиеся реквизиции, неблагоприятные погодные условия, «тихое» сопротивление крестьян приводят к голоду [3; с. 64]. Грациози полагает,

что нельзя говорить о «сознательно устроенном голоде» властями. Но как только начали проявляться признаки надвигающегося голода, Сталин сделал все возможное, чтобы преподать урок «уважаемым хлеборобам» и сломить крестьянское сопротивление, т.к. «начиная с лета 1932 г. и до начала весны 1933 г. умирающие с голоду крестьяне никакой помощи не получали» [3; с. 64]. Подводя итог голоду и коллективизации, А. Грациози констатирует победу сталинистов над крестьянами, т.к. в деревне «была установлена система, превратившая крестьян в подчиненную, легально подвергаемую дискриминации группу, судьба которой находилась в руках государства» [3; с. 66].

Заключение

Таким образом, мы видим, что в фокусе североамериканской и западноевропейской русистики находится главным образом история советского крестьянства периода сталинской эпохи. Это связано с тем, что именно советская модернизация сельского хозяйства, выраженная в форме насильственной коллективизации, стала механизмом разрушения традиционной сельской культуры. Зарубежные исследователи, хотя и испытывают в некоей степени влияние стереотипов эпохи «холодной войны», пытаются восстановить объективную картину жизни советской деревни. Процесс раскрестьянивания зарубежной историографией оценивается негативно. Неудачи последующих этапов социалистического развития они связывают с трагедией коллективизации. Североамериканские и западноевропейские исследователи, будучи носителями иной культуры, социализированными в рамках демократических ценностей, оценивают сталинский режим и его политику как преступный и антинародный. Проблемы социальной истории крестьянства, оценки действий власти в крестьянской среде, стратегии крестьянского сопротивления, раскрытые зарубежными исследователями, можно использовать в качестве ориентиров для исследования советского крестьянства более позднего периода.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 13-11-73002.

Список литературы

1. Верт Н. Террор и беспорядок: сталинизм как система. – М. : РОССПЭН, 2010. – 225 с.
2. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. - М. : РОССПЭН, 2010. – 368 с.
3. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. - М. : РОССПЭН, 2001. – 96 с.
4. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие. 1934–1941. – М. : РОССПЭН, 2011. – 233 с.

5. Зима В.Ф. Голод в СССР. 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. – М. : Институт российской истории РАН, 1996. – 265 с.
6. Конквест Р. Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом. - London, 1988. – 620 с.
7. Таугер М.Р. Урожай 1932 г. и голод 1933 г. // Голод 1932–1933 годов : сб. статей / отв. ред. Ю.Н. Афанасьев. – М. : РГГУ, 1995. – С. 13-43.
8. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской деревни в 30-е годы: деревня. - М. : РОССПЭН, 2001. – 421 с.
9. Чиркова Н.В. Власть и советское крестьянство 1945-1985 гг.: историографические проблемы // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009 – Т. 11. - № 6. – С. 267–270.

Рецензенты:

Чуканов Иван Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», г. Ульяновск.

Бурдин Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, доцент кафедры музееведения ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», г. Ульяновск.